

ISSN 0032-874X

ПРИРОДА

11 17

Сибирский графит Алибера

И.П.Андреева¹, З.А.Бессуднова¹

¹Государственный геологический музей имени В.И.Вернадского РАН (Москва, Россия)

В фондах Государственного геологического музея имени В.И.Вернадского РАН есть необычный экспонат — черный обелиск из массивного графита. С ним связана судьба французского купца и предпринимателя Жан-Пьера Алибера и удивительная история освоения в середине XIX века уникального месторождения графита в труднодоступных Тункинских горах Восточного Саяна. Из графита, добытого на Ботогольском руднике Алибера, фабрика И.Л.Фабера изготовила карандаши со специальной надписью «Graphite de Sibirie de la mine Alibert», которыми пользовались известнейшие художники России и Европы.

Ключевые слова: графит, Алибер, история, месторождение, музей.

Государственный геологический музей имени В.И.Вернадского (ГМ) РАН, один из старейших естественнонаучных музеев России, восходит своей историей к Музею естественной истории Императорского Московского университета. Фонды музея начали формироваться еще в середине XVIII в. и хранят поистине исторический каменный материал, значительная часть которого поступила из Императорского Московского общества испытателей природы (ИМОИП). Так, в 1856 и 1867 гг. общество передало в музей образцы графита с Ботогольского месторождения, подаренные Жан-Пьером Алибером (1820–1905). Среди них привлекает внимание черный обелиск высотой 37 см, вырезанный целиком из большого куска массивного плотнокристаллического графита в форме четырехгранной пирамиды с одной срезанной и полированной гранью и усеченной вершиной. Обелиск смонтирован на черной лакированной деревянной подставке с прорезями для окаймляющих его мелких образцов, часть которых, как и верхняя деталь, утеряна. Сотрудникам отдела фондов ГМ РАН удалось установить, что за этим экспонатом скрывается удивительная история освоения уникального месторождения в труднодоступных Тункинских горах Восточного Саяна.

Первые сведения о графите в этом районе относятся к 1684 г., когда иркутский голова Л.К.Кислянский, живописец и знаток горнорудного дела, доложил о найденной в Тункинской долине казаком А.Михалевым руде, названной им «карандаш самой прямой» [1, с.56]. Через 150 с лишним лет о находках графита в Тункинских горах стало известно от другого сибирского казака, офицера С.И.Черепанова*. В 1838 г. к нему, как начальнику пограничного отделения, обратились охотники-

Графитовый обелиск в экспозиции «Исторические коллекции» ГМ РАН.

Фото И.А.Стародубцевой

сойоты** с просьбой извлечь свинец для оружейных пуль из найденных ими кусков графита, кото-

* Хобта А, Снопков С. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. 2007. №1. С.48–58.

** Сойоты — коренной малочисленный народ, населяющий ныне Окинский р-н Республики Бурятия. Потомки саянских самодийцев, подвергшиеся тюркизации и бурятизации. В 2010 г. их численность составляла около 3600 чел.

рый они приняли за свинцовую руду. Черепанов сразу опознал графит и сам осмотрел гору, где его нашли сойоты. В 1847 г., оставив службу, он переехал в Санкт-Петербург и стал позднее литератором и книгоиздателем*. О судьбе находки сойотов Черепанов подробно рассказал в воспоминаниях, опубликованных в 1876 г. [2]. Приехав в столицу, он показал образцы графита в Министерстве финансов, надеясь, что новое месторождение будет взято в государственную казну. Однако министерство не посчитало выгодным разработку графита, предоставив ему право лично распоряжаться открытым месторождением, чтобы извлечь из своего открытия такую пользу, какая ему заблагорассудится**. Черепанов и распорядился, продав в 1847 г. за 300 руб. серебром свое право молодому предпринимателю Алиберу.

Именно с этой удивительной личностью связана история Ботогольского месторождения. Жан-Пьер Алибер родился в г.Монтобан во Франции и был восьмым ребенком в семье торговца сукном. Окончив богословскую школу, он обучался торговым и юридическим премудростям в Лондоне. Предусмотрительно получив в Тавастгусской губернии Финляндского генерал-губернаторства Российской империи звание первостатейного тавастгусского купца, предоставлявшее значительные льготы по налогам в России, семнадцатилетним юношей в 1837 г. Жан-Пьер приехал в Санкт-Петербург, где начал торговать мехами, за которыми ездил в Восточную Сибирь [3].

Он открыл галантерейные магазины в Красноярске и Иркутске, завел знакомства среди местного населения в надежде больше узнать о неизвестных местах, золотых приисках и находках руд и цветных камней***. Вероятно, он услышал и о находках графита в отрогах Саян. По словам Алибера, графит интересовал его давно, и он в 1844 и 1846 гг. посетил Францию, Германию, Швейцарию и Англию для ознакомления с производством графитовых карандашей и для приобретения нужных по этому делу познаний [4, с.10]. Знаменитое Борроудельское месторождение высококачественного графита в графстве Камберленд, снабжавшее с середины XVI в. карандашами фирмы Брокмана весь мир, к 1840 г. заметно истощилось, и британское правительство безуспешно искало новые месторождения во всех странах [3]. В Париже Алибер консультировался в Музее естественной истории у французского минералога А.Дюфренау, директора Горной школы, оценившего качество привезенных Жан-Пьером образцов саянского графита (он принял его за английский) и назвавшего эту находку кладом для науки и промышленности [5, p.85].

* bsk.nios.ru/enciklodediya/cherepanov-semen-ivanovich

** Хобта А., Снопков С. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. 2007. №1. С.50.

*** Там же. С.48–58.

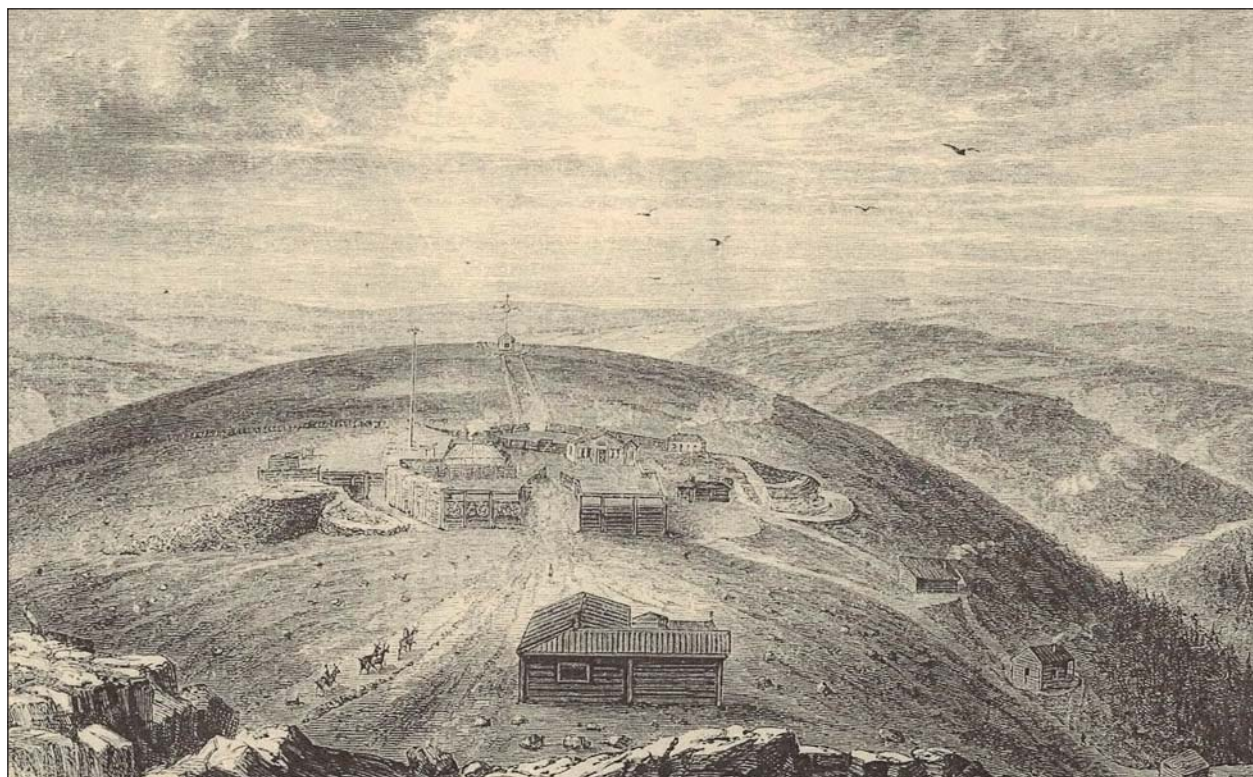
Приобретая в 1847 г. у Черепанова права на участок, Алибер уже представлял, какую колоссальную выгоду можно извлечь, если перспективы на графит оправдаются. Но надо заметить, что сам он никогда не упоминал об этой сделке, в его изложении история открытия выглядит по-другому: *В 1846 году, быв по торговым делам в Восточной Сибири, я познакомился с горными местностями этого края... с целью осуществить давно питаемое мною желание отыскать хороший графит. Для этого собственно сделал я несколько поездок на линии водораздела рек Иркутта, Китоя, Белой и Оки... Впоследствии, после долгих, постоянных трудов и усилий, наконец, мне представился счастливый случай открыть коренное месторождение этого минерала, в одном из отрогов Саянского хребта, в недрах Ботогольского гольца, лежащего невдалеке и почти в равномерном расстоянии от истоков вышеозначенных рек [4, с.11].*

Алибер был убежден в существовании на Ботогольском гольце мощных залежей качественного графита, поэтому неблагоприятные результаты первых двух лет, когда были вскрыты бедные верхние горизонты пород, не повергли его в отчаяние. Наоборот, он расширил производство, увеличив численность штата до ста человек, работающих круглосуточно в капитальной шахте [4, с.12].

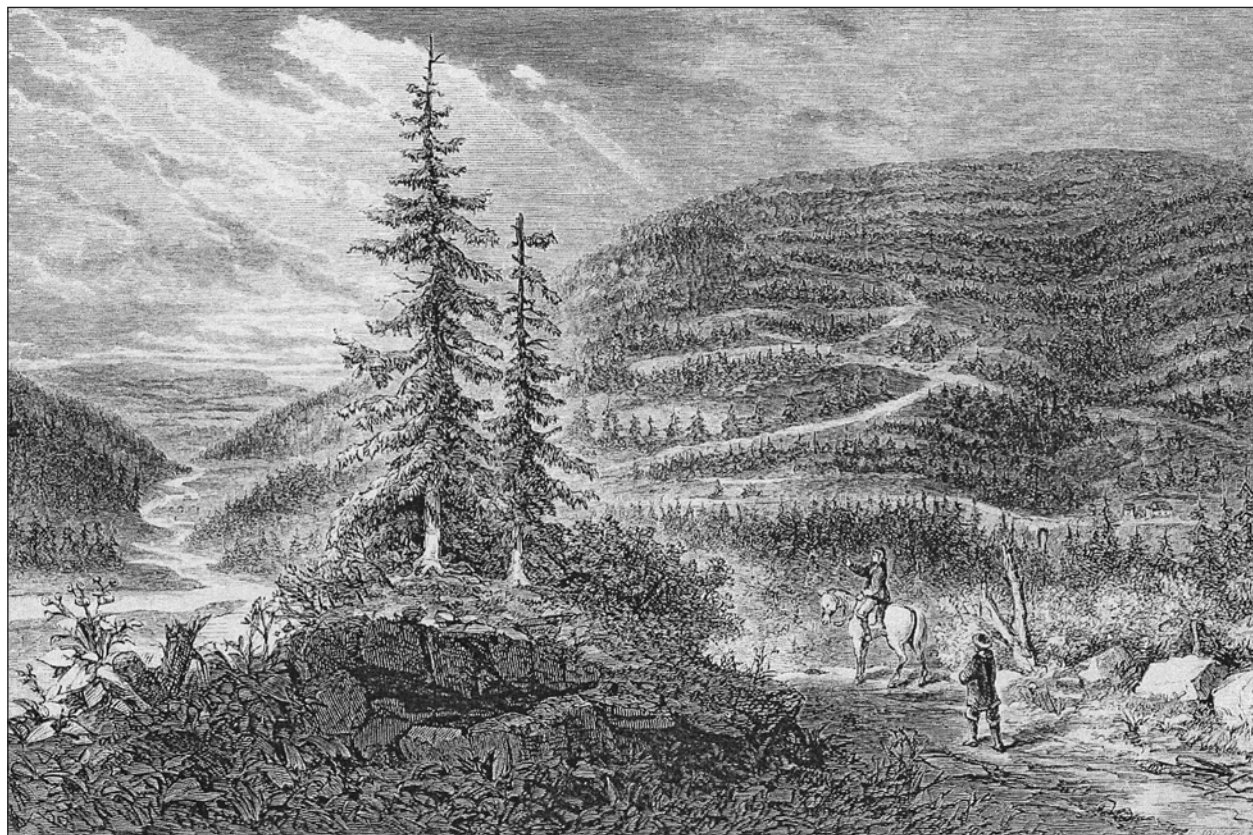
На вершине, на высоте более 2 тыс. м, недалеко от шахты, Алибер соорудил добротные дома для рабочих и хозяйственные постройки. Он проложил дорогу, соединяющую рудник с заимкой у подножия горы, где построил ферму и скотный двор. Интересно, что еще в середине XX в. эта дорога длиной 6 км, на строительство которой ушло 12 лет, была в прекрасном состоянии [6]. От сильных ветров оградил участок работ широкой каменной стеной высотой до 6 м и ветроломами высотой до 10 м, сложенными блоками и кусками породы из отвалов шахты.

Все это требовало больших финансовых вложений. Будучи под угрозой полного разорения, Жан-Пьер был вынужден брать невыгодные кредиты и залезать в долги. В 1851 г. он заключил договор с Ф.П.Занадворовым, согласно которому компаньон обязался поставить новое оборудование для рудника и построить карандашную фабрику [6], но свои обещания компаньон не выполнил.

Первые обнадеживающие результаты работ на руднике Алибера появились в 1853 г., когда было вскрыто мощное гнездо графита. В том же году вышла статья профессора Горного института минералога Н.И.Кокшарова о тункинском графите, написанная по результатам изучения образцов, доставленных в Императорское Санкт-Петербургское минералогическое общество вместе с картой. Кокшаров высоко оценил качество графита, из которого, по его словам, *можно прямо вытирать карандаши [7, с.471].*

Рудник Алибера на вершине Ботогольского гольца. Гравюра [10, приложение].

Дорога на рудник Алибера. Гравюра [10, приложение].

Работы на шахте продолжались, но гнездо графита, которое залегло довольно большою массой, вдруг совершенно выработалось [4, с.12]. В тот момент Алибер поступил как опытный горный инженер. Он предположил, что за разломами и трещинами, составляющими так называемый «пережим», можно ожидать появления богатых залежей. Будучи в столь неблагоприятных обстоятельствах, превозмогая все препятствия, поставленные мне самой природою, не страшась предстоящих работ и оставаясь равнодушным к мнениям других, я... принял твердую решимость продолжать начатые и с таким терпением в течение многих годов производимые поиски: почему и приступил к дальнейшему углублению в каменных твердых едва сокрушимого гранита [4, с.12]. Его надежды оправдались — менее чем через год, 3 февраля 1854 г., в боковой горной выработке, которую Алибер назвал Мариинской, был вскрыт высококачественный графит.

Выступая на заседании Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) в Иркутске в 1854 г., Алибер рассказал, какой ценой далось ему это открытие: *Настоящий мой успех стоит мне очень дорого: восемь лет я провел в диких горных дебрях и был предоставлен всем лишениям, очень естественным при таком образе жизни, перенес всякого рода страдания. Труд и горе были неразлучны со мною. Ко всему этому, при моих настойчивых поисках, я потерял затраченный по этому делу весьма значительный капитал — свыше 80 тыс. руб. серебром* [4, с.14]. Алибер пообещал учредить «карандашное заведение» в Петербурге в январе 1855 г. точно в таком же виде, как некогда эта мануфактура процветала на заведениях знаменитого Брокмана [4, с.13].

Заготовив необходимое для этой цели количество графита и видя, что его планы по строительству фабрики сорваны, Алибер в конце 1855 г. поехал в столицу.

В Петербурге Жан-Пьер старался привлечь к своему открытию как можно больше внимания. В одном из декабрьских номеров газеты «Санкт-Петербургские ведомости» появилась статья о сибирском открытии Алибера и значении для России карандашной фабрики*. Писатель А.В.Дружинин написал в своем дневнике 5 января 1856 г. о встрече с Алибером у издателя А.А.Краевского: *У Краевского четверги хороши по многим причинам — одна из них та, что на них всегда бывает несколько нового народа. Так и тут видел я Алибера, открывшего графитовые прииски в Сибири. Разглядывали его альбом, штучку весьма значительную***. О «коммерческой важности» открытия писала газе-

та «Северная пчела»***. В конце января 1856 г. Алибер выступил с показом образцов, карт и альбома с рисунками на заседаниях Вольного экономического, Санкт-Петербургского минералогического и Русского географического обществ [5].

Заручившись в столичных научных кругах высокой оценкой качества, Алибер приехал в Москву, где передал в ИМОИП на рассмотрение образцы графита с Ботокольского рудника. Все образцы были изучены секретарем общества геологом И.Б.Ауэрбахом, который пришел к заключению о пригодности «жильного» (т.е. плотнокристаллического) графита для производства карандашей. О результатах работы Ауэрбах доложил на заседании ИМОИП 16 февраля 1856 г. [8]. Эти образцы были переданы заведующему Минералогическим кабинетом Московского университета профессору Г.Е.Щуровскому, который включил графит в Отечественное собрание [9]. Ныне образцы Алибера хранятся в фондах ГГМ РАН.

В марте 1856 г. Императорская академия художеств выдала Алиберу свидетельство, признающее исключительно высокое качество прошедших испытания образцов графита, пригодного для всех видов рисования. Среди подписавших свидетельство значатся вице-президент Ф.П.Толстой, архитектор К.А.Тон, скульптор и живописец барон П.К.Клодт, художники Ф.А.Бруни, К.П.Брюллов, А.Т.Марков [5].

Алибер, хотя и получил положительные профессиональные оценки, не продвинулся в решении главного вопроса — реализации добытого графита. В России, при такой удаленности и труднодоступности источника сырья, о строительстве карандашной фабрики, требовавшей больших и рискованных капиталовложений, в то время можно было только мечтать. После Крымской войны 1853–1856 гг. финансовая система страны оказалась расстроена. Ни у российского правительства, ни у частных предпринимателей не было финансовых возможностей для этого. Оценив ситуацию, Жан-Пьер решил искать рынки сбыта за пределами России. В те годы самой успешной и процветающей была карандашная фабрика И.Л.Фабера, основанная в 1761 г. в баварском городе Штайн близ Нюрнберга. Полностью модернизированная, она имела филиалы сбыта в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Обратившись в эту фирму с предложением снабжать ее первосортным графитом из Сибири, Алибер в 1856 г. заключил с Фабером контракт, утвержденный российским правительством [10]. Жан-Пьеру это соглашение, по которому получить свою часть прибыли он мог только после реализации карандашей, было невыгодно. Ему пришлось брать кредиты, чтобы обеспечить доставку графита [3].

* Карандашная руда в Сибири. Новое чрезвычайно важное открытие, сделанное И.П.Алибером // Санкт-Петербургские ведомости. 26 декабря 1855 г.

** Дружинин А.В. Повести. Дневник. М., 1986. С.17.

*** Каменский П. Разыскание и открытие графита в Восточной Сибири, финляндским купцом И.П.Алибером // Северная пчела. 17 января 1856 г.

Графитовые блоки для фабрики, отсортированные лично Алибером, тщательно упаковывались в прочные ящики, сделанные из кедровых досок. Транспортировать графит из Сибири в Баварию было трудно и дорого. Зимой по дороге, проложенной Жан-Пьером, ценный груз доставлялся вьюками или на санях до села Голуметь, откуда его везли по почтовому тракту в Петербург и далее в Германию. Применялся и более дешевый способ — сплав по рекам Шилке и Амуру до Николаевска-на-Амуре, далее пароходами в Европу. Это путешествие продолжалось около двух лет, но такой способ применялся чаще, чем сухопутный. К 1858 г. фабрика Фабера была обеспечена сибирским графитом в количестве, превышающем 2500 пудов, которые, в соответствии с договором, Алибер должен был поставлять в течение пяти лет*.

На фабрике графит сначала подвергался лабораторным и технологическим испытаниям. Серийный выпуск был налажен в 1861 г., когда первая партия карандашей со специальной надписью «Graphite de Sibirie de la mine Alibert» («Сибирский графит рудника Алибера») поступила в продажу [10].

Все это время Алибер, не прекращая работ на руднике, искал пути выхода из неблагоприятного положения. В 1859 г. он вновь поехал в Петербург, где договорился об участии в выставке Вольного экономического общества** осенью 1860 г.

В конце 1859 г. Жан-Пьер вернулся в Иркутск, где 24 декабря лично получил от иркутского губернатора К.К.Венцеля удостоверение, согласно которому господин Иван Петрович Алибер, купец первой гильдии из Тавастгуса, проживающий в Восточной Сибири 18 лет, признается автором открытия и разработки месторождения графита в горах Байкала. Венцель отметил, что все начинания г-на Алибера, отличающегося безупречной репутацией, выгодны для России благодаря его честной и умелой деятельности. Этот документ, а также письма, протоколы заседаний, отзывы и статьи о его руднике Алибер представил в книге, иллюстрированной гравюрами и изданной в 1865 г. в Париже [5].

Летом 1860 г. Алибер занимался устройством выставки в Иркутске. В музее «Азиатской России музеем», находившемся с 1854 г. в ведении ИРГО, в секции «Сибирь» 17 и 18 августа экспонировались не только блоки графита весом до двух пудов, но и изделия из него, среди которых примечательны были два бюста — Ермака и Александра II. С восторгом отозвался о выставке посетивший ее генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский. В своем письме Алиберу от 23 августа 1860 г. он назвал того *добрым гражданином, полезным для России*, и с благодарностью вспо-

нил о многочисленных благотворительных деяниях Алибера и его *постоянных вкладах во всякое полезное и милосердное дело**** [5, с.47]. Граф Муравьев-Амурский и сам оказывал Алиберу поддержку в его деятельности, в частности, при его протекции Алибер был принят в Петербурге императором, наградившим его серебряной медалью Святого Станислава на ленте [10].

В столице Алибер намеревался устроить представительную экспозицию. Однако на открывшейся в залах Михайловского манежа 28 сентября 1860 г. первой выставке Императорского Вольного экономического общества (ИВЭО) экспонировался всего один штук графита из рудника Алибера, который в каталоге выставки сопровождался комментарием: *Весьма замечательный кусок графита, добытый... в Мариинском руднике господина Алибера... <...> Пуд такого графита стоит 100 рублей серебром. Он законтрактован исключительно фабрикантом Фабром, г-н Алибер долго искал возможность составить в России компанию для добывания этого графита, но все старания его остались безуспешны* [11, с.20]. Вероятно, остальные экспонаты не смогли доставить вовремя из Иркутска. Об образцах, предоставленных Алибером для этой выставки, 22 октября в журнале ИВЭО была опубликована статья А.Ушакова, в которой приведены результаты исследования всех разновидностей графита и сопутствующих минералов [5]. Эта статья — последний российский документ в сборнике Алибера 1865 г., все последующие — зарубежные и датируются 1862–1865 гг.

В силу сложившихся обстоятельств, испытывая серьезные финансовые трудности, Алибер вернулся во Францию, навсегда покинув свой рудник. Среди причин, повлиявших на его отъезд из России, возможно, было и изменение конъюнктуры на мировом рынке в связи с внедрением нового способа изготовления карандашей из низкосортного графита****. Сам Жан-Пьер ответственность за прекращение работ и, как следствие, свой вынужденный отъезд возлагал на бывшего компаньона. В 1869 г. Алибер в письме иркутскому губернатору сообщил о не выполненных Занадворным обязательствах. В этом же письме он официально и окончательно передал все свои права на месторождение казне [12].

Алибер создавал свое предприятие основательно, в полной уверенности, что оно будет существовать долгие годы, обеспечивая лучшим графитом производство карандашей на российской фабрике. По отзывам современников, побывавших на руднике, это был оазис европейской цивилизации среди дикой и суровой сибирской природы. Пла-

* Хобта А., Снопков С. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. 2007. №1. С.48–58.

** Там же.

*** Здесь и далее перевод текстов с французского языка выполнен Г.П.Андреевой.

**** Хобта А., Снопков С. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. 2007. №1. С.48–58.

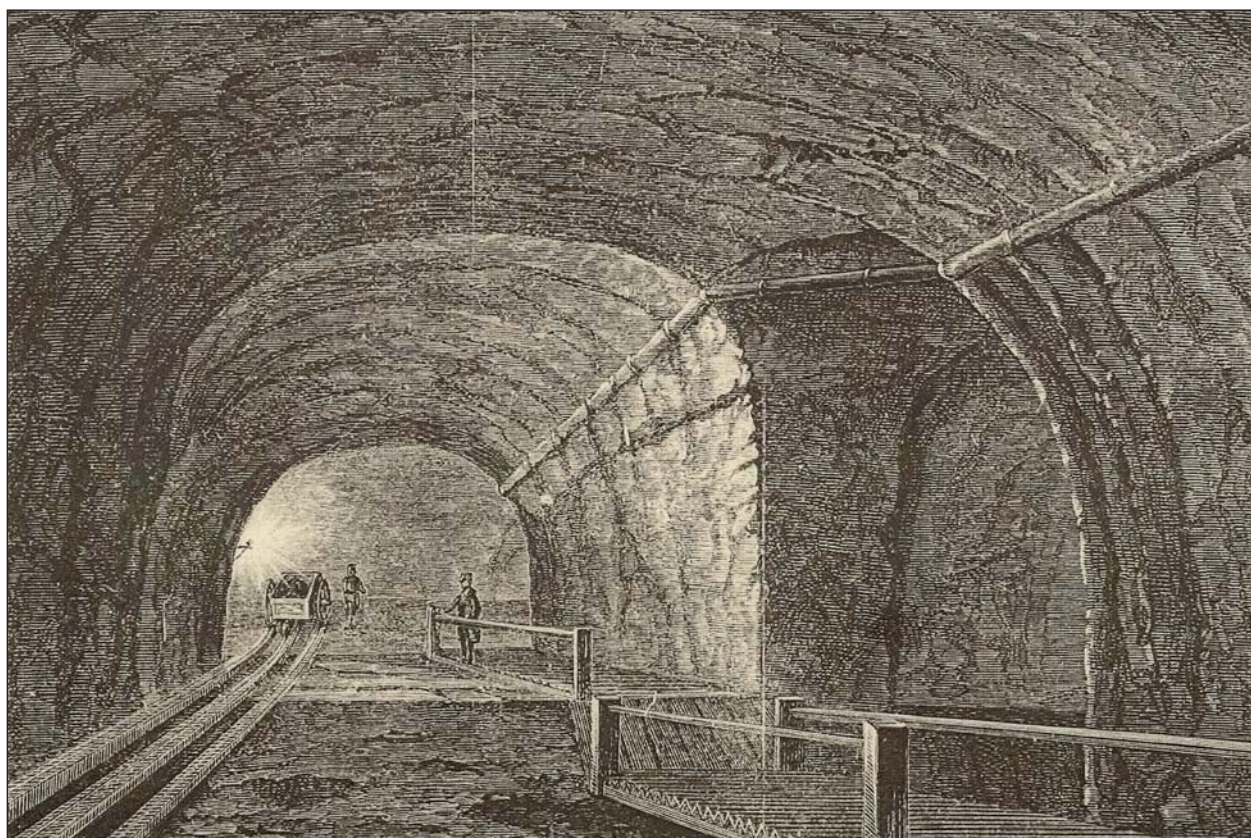
нировка улиц и строений в пределах купола гольца, сами постройки и их интерьеры — как, например, стеклянная крыша с витражами над устьем шахты — все это отвечало трем принципам: польза, прочность, красота. У своего дома на защищенной от ветра террасе Алибер устроил небольшой цветник из местных альпийских растений. С художественным вкусом были оформлены его собственные апартаменты и интерьер часовни, украшенные картинами и цветными витражами.

Судя по всему, Алибер легко находил общий язык с совершенно разными людьми. Работы на руднике выполняли вольнонаемные кочевники-сойоты и ссыльные — он не только платил им достойную зарплату, но и обеспечивал их необходимыми бытовыми удобствами. Архитекторов, каменщиков, пекарей, поваров, художников он тоже находил среди кочевников и ссыльных [5].

Благодаря разумной организации труда и налаженному снабжению рудник прекрасно функционировал и в отсутствие хозяина. В июне 1859 г., когда Алибер находился в Петербурге, шахту и рудничный поселок посетил с инспекцией Ф.Н.Львов, сотрудник Горного отделения Главного управления Восточной Сибири, отбывший 12 лет каторги по делу петрашевцев. В своем обстоятельном докладе он охарактеризовал конструкцию и техническое состояние шахты как образцовые. Особое

внимание он обратил на заботу о здоровье рабочих: меры безопасности, медпункт с хирургом, хорошее питание. Личные впечатления от посещения рудника нашли отражение в его восторженной статье в газете «Иркутские ведомости». Он подробно описал так поразившие его среди голых скал и заснеженных вершин добротные дома европейской постройки, часовню с колокольней, балюстрады и галереи с ровными, мощенными камнем, улицами и, наконец, саму шахту, похожую на подземный дворец. При этом он особенно отметил высокое качество всех построек, а также чистоту и порядок на прииске [5].

Менее чем через месяц гору Алибера посетил Г.Радде, совершавший путешествие по Восточной Сибири в составе экспедиции ИРГО в качестве рисовальщика и коллектора [5]. Он по достоинству оценил комфортные условия, созданные гигантским трудом в почти недоступной горной местности и на высоте, где нет никакой растительности. Говоря о европейском уровне предприятия Алибера, он особенно отметил великолепное качество дороги, прорубленной в крутом склоне и соединяющей рудник с подножием горы, где находились заимка, ферма и участки земли для выращивания фуражных и огородных культур. Радде отметил уважительное отношение к Алиберу местных жителей — кочевников-сойо-

Главный (откаточный) штрек на шахте Алибера. Гравюра [10, приложение].

тов, которых он приобщил к разведению крупно-го рогатого скота.

Посетивший Ботогольский голец в 1865 г. во время экспедиции в Восточные Саяны географ и геоморфолог П.А.Кропоткин был поражен — прииск выглядел так, *будто хозяева вчера только уехали и в своем поспешном отъезде оставили на столах скатерти, термометр на веранде, кучи графита на горах и незапертую шахту с машинами. Жалко смотреть на этот прииск, так прочно, так основательно построенный на страшной высоте и теперь брошенный* [13, с.41]. Кропоткин отметил, что местные жители с нетерпением ждут приезда Алибера, с восторгом рассказывая о его щедрости. Надеясь на возвращение хозяина, союты долго сохраняли и оберегали прииск. Исследователь Сибири И.Д.Черский, побывавший на прииске в 1873 г., во время изучения геологии и географии Тункинского хребта, также обнаружил его нетронутым. Однако позднее рудник был разграблен, а часовня, беседки и оранжерея сожжены [6].

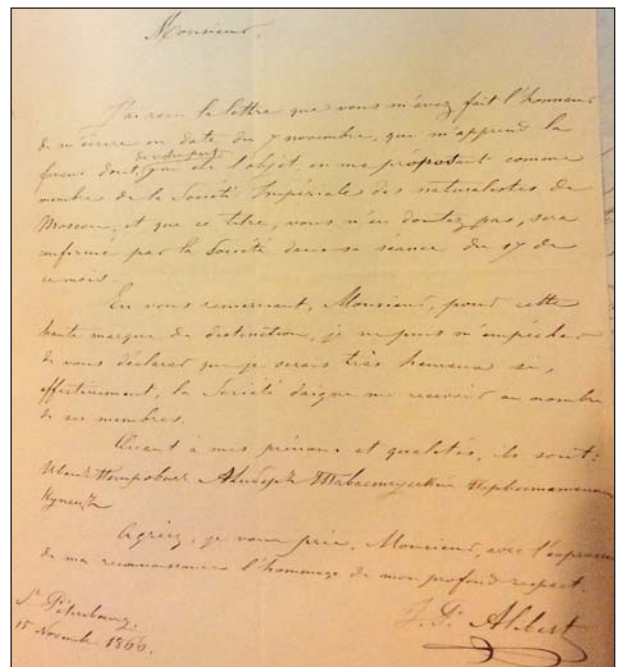
Вернувшись на родину, во Францию, Алибер стал пропагандировать ботогольский графит на европейском рынке, привлекая к нему внимание на выставках, которые были своеобразными центрами обмена информацией. Позже в письме на имя президента ИМОИП он писал: *В 1862 г., после отъезда из Санкт-Петербурга, я отправился в Лондон на Всемирную выставку, где представил свой графит, обработанный в Сибири* [14, 1866 г., л.186]. Жан-Пьер показал возможность применения графита в качестве материала для скульптора. В одной из витрин в отделе «Россия», наряду с карандашами фирмы «Фабер», были выставлены отполированные до блеска блоки и пластины графита, изделия из него, в том числе скульптурная композиция с бюстами Ермака и Александра II, а также рисунки с видами рудника. В витрине «Сувениры из моих путешествий» Алибер представил гальку и валуны нефрита, золотой песок и меха соболей, альбом с акварельными зарисовками живописных мест Сибири. Обе витрины вызвали большой интерес и широко освещались в лондонской и парижской прессе. Жюри присудило Алиберу золотую и серебряную медали. Большинство экспонатов выставки Жан-Пьер передал в дар музеям, а также императорам, королевским домам, Ватикану, европейским правителям и отдельным городам, в том числе своему родному Монтобану. В письме на имя мэра города он писал: *Я буду счастлив, если муниципальный совет примет решение поместить его в Музей Монтобана как постоянное напоминание о моих добрых чувствах к согражданам* [5, р.90]. Алибер был награжден орденом Почетного легиона и орденами ряда европейских стран.

Заслуги Алибера были высоко оценены в Обществе содействия национальной промышленности Франции, которое наградило Жан-Пьера зо-

лотой медалью с надписью: *Присуждается г-ну Ж.-П.Алиберу за открытие и разработку высококачественного графита в Сибири. 6 апреля 1864 г.* [5, с.104]. После лондонской выставки карандаши с маркой «Graphite de Sibirie de la mine Alibert» были признаны самыми лучшими в мире, а фирма Фабера прочно и надолго утвердилась на мировом рынке. Качество грифелей из сибирского графита было высоко оценено такими известными художниками, как Г.Дорэ и Ж.Энгр [5].

Документы, обнаруженные нами в архиве МОИП, проливают свет на некоторые неизвестные ранее факты из жизни Алибера. Выяснилось, что в 1866–1867 гг. он посещал Москву и Петербург. В письме от 25 мая 1866 г. из московского отеля «Россия» он обратился к президенту ИМОИП: *Благожелательный прием, которым Общество удостоило самородный графит, открытый мною в Восточной Сибири, привел к тому, что я счел своим долгом познакомить общество с благоприятными отзывами об этом минерале в странах Европы* [14, 1866 г., л.187]. Рассказав о своих успехах и наградах, он предложил: *Я думаю, г-н Президент, Обществу будет угодно принять от меня серию образцов графита разной структуры и пород, встречающихся в залежи, а также изделия, представляющие научную ценность* [14, 1866 г., л.187].

В том же году оригинальная композиция с графитовым обелиском была передана им в дар обществу, о чем в п.25 протокола заседания ИМОИП от 20 октября 1866 г. сделана запись: *Алибер представил Обществу превосходный кусок сибирского графита из Мариинского прииска, с двух сторон от-*

Письмо Ж.-П.Алибера 1866 г. [15, 1866, л.189].

Иван Петрович Алибер. 1867 г. [15, 1867, л.71]. Публикуется впервые.

шлифованный в виде небольшого обелиска, с окружающими его у подножия горными породами и минералами, которые в месторождении его сопровождают. К этому приложены образцы карандашей различной твердости, приготовленных из этого графита на фабрике Фабера в Нюрнберге и несколько печатных брошюр о том же предмете. Определено: передать образцы в Минералогический музей Московского университета, а карандаши рисовальщику Общества С.Ф.Щеголеву [15].

Осенью 1866 г. Алибер был избран членом-корреспондентом ИМОИП. В письме от 15 ноября из Петербурга он благодарит за оказанную честь и пишет, как правильно писать его имя и звание: *Иван Петрович Алибер, тавастгусский перво-статейный купец* [14, 1866 г., л.189]. В архиве МОИП в одном из фотоальбомов есть фотография Алибера, которую он прислал в письме от 26 янва-

ря 1867 г. из Петербурга [14, 1867 г., л.71]. Эта фотография, сделанная в фотоателье на Невском проспекте специально для ИМОИП, ранее нигде не публиковалась.

В последующие годы жизни во Франции Алибер продолжал участвовать в выставках, проводимых в Париже, Вене, Гавре и других городах. За графитовые изделия, представленные на всемирной выставке в Париже в 1878 и 1889 гг. он был награжден золотой медалью [16].

Карандаши из сибирского графита получили мировую известность и выгодно продавались по всему миру. Но торговые взаимоотношения с фирмой Фабера у Алибера не сложились, и в конце концов он обратился в суд. Обладая исключительными правами на графит, Фабер не только не выполнил обязательство построить в Москве карандашную фабрику, но и занимался махинациями, которые были раскрыты Жан-Пьером. По решению Парижского коммерческого суда Фабер выплатил ему в 1878 г. солидную денежную компенсацию, благодаря которой Алибер смог наконец расплатиться с долгами и начать жизнь богатого рантье [3].

В условиях сурового сибирского климата здоровье Алибера было подорвано. Во многих местах он пытался вылечиться от ревматизма, но только лечение на термальном курорте Шатоннеф-ле-Бан (регион Овернь, департамент Пюи-де-Дом), куда он приехал в 1871 г., помогло ему избавиться от недуга. В 1882 г. в знак благодарности за свое чудесное выздоровление Жан-Пьер за свой счет благоустроил участок в излучине долины в окрестностях курорта. На вершине холма в 1893 г. была установлена выполненная по его заказу бронзовая статуя Святой Девы Марии, символизирующая, как следует из текста на постаменте, надежду Алибера на ее помощь и милосердие [3]. С тех пор этот холм, известный во Франции как пик Алибера, — одна из местных достопримечательностей.

В России память о первом разработчике Ботогольского графита сохранилась в местных географических названиях. Гора, где располагался прииск, и дорога, поднимающаяся к нему, носят имя Алибера.

В Государственном геологическом музее имени В.И.Вернадского РАН, в зале «Исторические коллекции», можно увидеть черный графитовый обелиск, дар исследователя и предпринимателя, романтика и авантюриста Ивана Петровича (Жан-Пьера) Алибера Московскому обществу испытателей природы. ■

Литература / References

1. Зоркин В.И. Иркутские градоначальники. Кн.1: Воеводы и вице-губернаторы (1682–1764). Иркутск, 2007. [Zorkin V.I. Irkutsk City's Mayors. Book 1: Voivodes and Vice Governors (1682–1764). Irkutsk, 2007. (In Russ.).]
2. Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний сибирского казака. Древняя и Новая Россия. Кн.5–7. Санкт-Петербург, 1876. [Cherepanov S.I. Fragments from Memories of the Siberian Cossack. Ancient and New Russia. Books 5–7. Saint-Petersburg, 1876. (In Russ.).]

3. Доржиева Г.С. Места памяти и культурная непрерывность (на примере топонимии Бурятии). Вестник Бурятского государственного университета. 2014; 11: 7–10. [Dorzhieva G.S. Places of memory and cultural continuity (on the example of toponymy of Buryatia). Vestnik of the Buryat State University. 2014; 11: 7–10. (In Russ.)]
4. Алибер И. Об отыскании графита в Восточной Сибири тавастгусским первостатейным купцом Алибером. Вестник Императорского Русского географического общества. 1854; 11: 9–14. [Alibert I. About search of graphite in Eastern Siberia by the Tavastgus merchant of the first guild Alibert. Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society. 1854; 11: 9–14. (In Russ.)]
5. Alibert J.-P. La mine de graphite de Sibirie. Paris, 1865.
6. Солоненко В.П., Кобеляцкий И.А. Восточные Саяны. Иркутск, 1947. [Solonenko V.P., Kobelyatsky I.F. East Sayan Mountains. Irkutsk, 1947. (In Russ.)]
7. Кокшаров Н.И. О минералах из Тункинского хребта, доставленных Императорскому С.Петербургскому минералогическому обществу иркутским военным губернатором К.К.Венцелем. Горный журнал. 1853; Ч.11. Кн.4: 466–472. [Kokscharow N.I. About the minerals from the Tunkinsky ridge delivered to Imperial St.Petersburg Mineralogical Society by Irkutsk military governor K.K.Ventsel. Gorny Journal. 1853; Pt.11. Book 4: 466–472. (In Russ.)]
8. Auerbach J.B. Extrait du process-verbal de la seance du 16 fevrier 1856. Bulletin de la Societe Imperiale des naturalists. 1856; 29: 155–158.
9. Щуровский Г.Е. Каталог минералогического кабинета Большого и Малого при Императорском Московском университете. М., 1858. [Schburovsky G.E. The catalog of a mineralogical Big and Small Cabinet at the Imperial Moscow University. Moscow, 1858. (In Russ.)]
10. Alibert J.-P., Faber A.W. The pencil-lead mines of Asiatic Siberia. A historical sketch, 1764–1861. Cambridge, 1865.
11. Арсеньев И.А. Выставка Императорского Вольного экономического общества 1860 года. СПб., 1860. [Arsen'ev I.A. Exhibition of the Imperial Free Economic Society of 1860. Saint-Petersburg, 1860. (In Russ.)]
12. Артемьев Б.Н. Полезные ископаемые и ближайшие задачи учета минеральных ресурсов Бурят-Монгольской автономной области. Труды Центрального управления промышленных разведок. 1922; 2: 187–250. [Artem'ev B.N. Mineral resources and the nearest tasks of accounting for mineral resources of the Buryat-Mongolian autonomous region. Works of the Central management of industrial explorations. 1922; 2: 187–250. (In Russ.)]
13. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул. Алиберовский прииск. Записки Сибирского Отдела ИРГО. 1867; Кн.9 и 10: 40–43. [Kropotkin P.A. Trip to Okinsky guard. Alibert's mine. Notes of the Siberian Branch of Imperial Russian Geographical Society. 1867; Books 9 & 10: 40–43. (In Russ.)]
14. Архив МОИП. Оп.416. Письма членов общества и других лиц. [Archive of Moscow Society of Naturalists. Inventory 416. Letters from members of the Society and other persons] [(In Russ.)]
15. Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы от 20 октября 1866 г. Архив МОИП. Оп.413. Протоколы заседаний. Л.19. [Protocol of the meeting of the Imperial Moscow Society of Naturalists from October 20, 1866. Archive of Moscow Society of Naturalists. Inventory 413. Protocols of meetings. P.19.][(In Russ.)]
16. Шпаков В.Н. История всемирных выставок. М., 2008. [Schpakov V.N. History of World Exhibitions. Moscow, 2008. (In Russ.)]

Alibert's graphite from Siberia

I.P.Andreeva¹, Z.A.Bessudnova¹

¹Vernadsky State Geological Museum, RAS (Moscow, Russia)

The article considers the history of an unusual exhibit's appearance in the Collection's Department of the Vernadsky State Geological Museum of the Russian Academy of Sciences— a black obelisk of massive graphite. The authors describe the amazing history of the unique graphite deposit development in the remote Tunkinsky Mountains of the Eastern Sayany and the destiny of the French merchant and entrepreneur Jean-Pierre Alibert, who mastered this deposit in the middle of the 19th century. From the graphite extracted on the Alibert's Botogolskii mine, I.L.Faber's factory had made pencils with the special inscription «Graphite de Sibirie de la mine Alibert» which used the most famous artists of Russia and Europe.

Keywords: graphite, Alibert, history, deposits, museum.